

Алексей Козачек

Сага о Первом Цветке.
Книга Первая.
Конец и Начало

18+

Алексей Козачек

**Сага о Первом Цветке. Книга
Первая. Конец и Начало**

«Автор»

2026

Козачек А.

Сага о Первом Цветке. Книга Первая. Конец и Начало /
А. Козачек — «Автор», 2026

Того мира, что мы знали, больше нет. Жители маленького посёлка, уютно расположенного в Уральских горах, борются за выживание в новом мире, что сотворила катастрофа. Жизнь, смерть, новые традиции и решения. И это только начало долгой истории - Саги о Первом Цветке.

© Козачек А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга Первая. Конец и Начало	5
Глава 1. Падение.	5
Глава 2. Убежище.	11
Глава 3. Осень.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сага о Первом Цветке. Книга Первая. Конец и Начало

Книга Первая. Конец и Начало

Глава 1. Падение.

Горы Урала здесь не вздымались острыми пиками, а стелились древними, сглаженными временем хребтами, поросшими густой, темно-зеленой хвоей. Воздух, даже в конце мая, еще хранил прохладу, смешанную со сладковатым запахом ягод и влажной земли. Между двух таких хребтов, в ложбине, которую местные называли просто «Долина», и уютился поселок Верхняя Гореловка.

Он был похож на игрушечный: два десятка деревянных домов, почерневших от времени и дождей, с резными наличниками, и несколько двухэтажных блочных «казарм» советской постройки. Все они смотрели окнами на главную и единственную улицу — Стахановскую, которая вела к гиганту, определявшему весь ритм жизни. К шахте.

Трубы цеха, откуда добытый уголь отправляли на обогатительную фабрику в соседний город, сегодня, в воскресенье, были бездымны. Сама клеть, опускающая людей в недра, замерла. Но даже в выходной день поселок жил своим особым, размеренным бытом.

Главная улица в это утро была пустынна. У магазина «Уголок», вывеска его давно уж потускнела, стояли два велосипеда. Внутри Анна Петровна, продавщица со стажем, раскладывала свежий, привезенный рано утром из райцентра хлеб. Пахло солью, резиной и сладкой ватой. Рядом с кассой, как обычно, толпились ребятишки, выбирая, на что потратить накопленные деньги.

У здания школы, которое всем служило верой и правдой, было оживленнее. На первом этаже, в части, отведенной под детский сад «Колокольчик», галдели малыши, выбегая на прогулку на свой крошечный дворик с ржавой каруселью. На втором этаже, в кабинете физики, старшеклассник Андрей, сын главного инженера шахты, корпел над моделью для будущего проекта — он мечтал о вузе в Екатеринбурге и хотел удивить комиссию.

У дома №7 дымила баня. Ее топил Василий Иванович, бригадир проходчиков. Пахло березовыми вениками, запаренными с утра.

На завалинке у дома старика Николая собрались пенсионеры. Они не работали на шахте уже лет десять, но все еще говорили о пластах, породе и заработке, как о чем-то живом. Николай постукивал самокруткой о портсигар и смотрел куда-то вдаль, на синеющую вершину сопки.

В центре поселка, у памятника шахтерам, погибшим еще в 80-х, лежал скромный, веночек с Дня Победы. Рядом на скамейке сидела молоденькая учительница Катя, приехавшая сюда два года назад по программе «Земский учитель». Она читала книгу, греясь в лучах редкого, но уже по-летнему теплого солнца. Ей нравилась эта тишина, прерываемая только смехом детей из садика и далеким стуком дятла в лесу.

Все знали всех. Знали, у кого корова отелилась, кто вчера вернулся из города с покупками, а у кого сын-шахтер слег с температурой. Работа была тяжелой, опасной, но честной. Она кормила, давала чувство общности и цели. Поселок спал и просыпался под гудок смены, и это был привычный, почти родной звук.

Быт Верхней Гореловки в этот майский день был прочным, как угольный пласт, и таким же предсказуемым. Казалось, так будет всегда: смена дня и ночи, рабочих и выходных, снежных зим и короткого уральского лета.

Утро начиналось как обычно. Смена уехала в шахту в шесть, к восьми жизнь в поселке вошла в будничную колею. Дети собирались в школу, из труб вились тонкие струйки дыма. Небо над Долиной было ясным, прохладным, почти синим.

Первым его увидел старик Николай. Он, как всегда, вышел на крыльцо с утренним чаем, прищурился, глядя на дальнюю вершину высокой горы — ту, что маячила на востоке, километрах в двадцати. И замер.

Сперва было лишь странное мерцание у подножия горы, будто гигантская сварочная дуга. Потом — ослепительно-белая вспышка, за ней еще одна, и еще. Не молнии, нет. Более плотные, резкие, будто кто-то щелкал феноменально мощным фотоаппаратом где-то за горизонтом. Они не сопровождались громом. Был только нарастающий, низкочастотный гул, похожий на движение невероятно тяжелого грузовика по трассе, которой здесь никогда не было.

— Что за черт?.. — пробормотал Николай, поставив чашку на перила.

За ним, из дома напротив, выскочил подросток Витя с телефоном, начал снимать на камеру невиданное явление. Но главное было впереди... Свет.

Вспышка, короткая, болезненная вспышка, от которой все отвернулись. А следом — медленный, живой столб из пыли и обломков, начавший подниматься над горой. Только спустя долгие, тягучие секунды до поселка докатился звук.

Это был глубокий удар, от которого задребезжали стекла в домах, зазвенела посуда в буфете у Анны Петровны, и с полки в школе упала старая карта. Вслед за ударом пришла волна, она прошла по траве, закачала верхушки сосен и ворвалась в поселок сухим, горячим ветром.

Тишина, наступившая после, была оглушительной. На несколько секунд Верхняя Гореловка замерла. Даже дети в школьном дворе замолчали, уставившись на восток, где над знакомой с детства горой теперь клубилась странная, желтовато-бурая туча.

Потом начался гвалт.

— Что это было? Взрыв? На военном полигоне? — крикнул кто-то из окон «казармы».

— Да полигон в другой стороне! Это в гору ударило! Я видел!

— Метеорит? По телевизору говорили, звездопад должен быть...

— Никакой это не метеорит, взрывы же сначала были! Как артподготовка!

Люди высыпали на улицу. Кто в рабочих спецовках, кто в домашних халатах. У всех в руках засверкали экраны телефонов. Но там не было ответов. Пропала сотовая связь. Пропал интернет. Индикаторы на смартфонах показывали лишь зловещий крестик «Нет сети».

У здания школы собралась толпа. Выбежала учительница Катя, бледная, с круглыми от испуга глазами, пытаясь собрать перепуганных детей внутрь. Анна Петровна, забыв про магазин, стояла на крыльце, крест-накрест обняв себя руками.

Старик Николай не сводил глаз с горы. Его опыт, его подземное чутье, молчало. Это было не из его мира. Не из мира пластов и пород. Это было что-то чужеродное, жестокое и громкое, вторгшееся в их тихую Долину.

Со стороны шахты послышался гудок — не сменный, а прерывистый, тревожный. Сигнал аварийной сборки. Дежурная смена и администрация наверняка пытались связаться с райцентром по рации, понять, что произошло.

Но в тот момент, стоя под странно помутневшим небом, глядя на непонятное облако над горой, жители Верхней Гореловки поняли только одно: их предсказуемый, прочный мир дал трещину. А что было там, за горизонтом, и что это значит для них — не знал никто. Лишь тревога, густая, как угольная пыль, осела в сердцах.

Тишина в поселке была неестественной, звенящей. Не слышно было ни привычного гула техники с шахты, ни перекликанья соседей через улицу. Люди говорили шепотом, будто боялись спугнуть хрупкое спокойствие или привлечь внимание того, что пришло с неба.

Центром жизни теперь была контора шахты. Там, в кабинете начальника, стояла единственная на весь поселок мощная рация, обычно использовавшаяся для связи с горноспасателями и райцентром. С утра вокруг здания собралась почти вся Верхняя Гореловка.

Из динамика лился сбивчивый, прерываемый жутким шипением и помехами, голос дикторов — то мужской, то женский. Они, казалось, сменяли друг друга в студии, голоса были сорваны от усталости и ужаса.

«...повторяем экстренное сообщение... множественные падения неопознанных объектов по всей территории... предварительно классифицируются как метеоритный дождь аномальной интенсивности...»

Шипение. Потом другой голос, женщина, почти плача:

«...ГУ МЧС по Дальневосточному региону сообщает о цунами невероятной силы... Владивосток, Находка... связь прервана... просим население немедленно...»

Взрыв помех, из которого вырвалось:

«...прямое попадание в жилые районы Екатеринбурга... объявляется режим чрезвычайной ситуации федерального уровня... всем оставаться...»

И снова шипение, на этот раз долгое и пустое.

В толпе стояли, не двигаясь. У кого-то текли слезы по пыльным щекам. Женщина прижала к груди маленькую дочь, хотя та уже не плакала, а смотрела большими, непонимающими глазами. Андрей, старшеклассник, сжал кулаки — его мечты о Екатеринбурге, о вузе, теперь испарились.

Начальник шахты, Сергей Петрович, вышел на крыльцо. Лицо его было серым, как шлак. Он поднял руку, требуя тишины, хотя все и так замерли.

— Связи с районом нет, — сказал он хрипло, но четко. — Телефоны молчат. Дорогу на перевале, завалило взрывной волной, проверим насколько всё плохо. Электричество пока есть, но от дизель-генератора. Из рации ясно одно: мир... мир там, снаружи, рухнул.

Он сделал паузу, глядя на знакомые, испуганные лица.

— Наш поселок цел. Наша шахта цела. У нас есть вода из артезианской скважины, есть свои запасы в магазине и складах, есть дизель. Мы — на отшибе. Это, возможно, сейчас наше спасение.

Слово «спасение» повисло в воздухе. Оно не принесло облегчения, но дало точку опоры. Есть задача: выжить здесь и сейчас.

Магазин «Уголок» за день опустел наполовину. Анна Петровна, под присмотром двоих мужчин, выдавала товары по списку, строго по норме на семью. Консервы, крупы, соль, спички. Деньги уже не принимали. Люди молча, с благодарностью, забирали пайки. Ссор не было. Была тихая, ошеломленная солидарность.

У школы Катя и еще две женщины организовали круглосуточный пост для детей. Родители, которые были на смене или помогали разбирать завалы на единственной дороге, приводили сюда малышей и школьников. Здесь их кормили, пытались занять рисованием или играми, ограждая от взрослых разговоров и голоса из рации. Окна на восток, в сторону сопки с облаком, завесили одеялами.

К вечеру ветер сменился и потянул с востока. Он принес странный запах — гари, но не лесной, а химической, едкой, и мелкую, колючую пыль, оседавшую серым налетом на подоконниках. Люди стали заклеивать щели в рамках мокрыми тряпками.

Вечером в конторе собрался совет: начальник шахты, бригадир Василий Иванович, старик Николай, как самый уважаемый старожил, и учительница Катя.

— Завтра отправляем разведку на двух «Уазах» к перевалу, — говорил Сергей Петрович, тыча пальцем в карту. — Надо понять, можно ли проехать. И... и посмотреть, что там.

— А если можно проехать? — тихо спросила Катя.

— Если так, значит, оттуда могут прийти. И беженцы, и... кто похуже, — мрачно ответил Василий Иванович. — Шахта — это убежище. Глубоко, прочно. И еду хранить можно.

— Но это и цель, — добавил старик Николай, задумчиво крутя в пальцах коробок спичек. — Все захотят спуститься в безопасное место, если с неба падет еще.

Они смотрели на карту, на крошечную точку Верхней Гореловки, затерянную в складках Уральских гор. Рация на столе снова зашипела и выплюнула обрывки фраз о гуманитарных коридорах и эвакуации в несуществующие, по их мнению, пункты приема.

Работа в поселке кипела, но это была уже не прежняя, устоявшаяся трудовая жизнь, а лихорадочная, сосредоточенная деятельность, продиктованная необходимостью выжить.

На складе шахты «Глубокая», в бывшем инструментальном цеху, царил порядок, навешенный железной рукой Анны Петровны и бригадира Василия Ивановича. Они, как бухгалтер и практик, составили точную опись всего, что было в поселке. Мешки с мукой, крупы, консервы из магазина и личных запасов, соль, сахар, спички, медикаменты из фельдшерского пункта, бочки с дизелем, канистры с водой. Все было аккуратно расставлено по стеллажам, велся строгий учет. Шахта с ее постоянной прохладной температурой была идеальным хранилищем. Глубоко под землей, в боковых выработках, теперь лежало не только угольное богатство, но и продовольственное — куда более ценное в новых условиях.

А наверху, у въезда в поселок, грузились «Уазики». В машины положили ломы, пилы, тросы, аптечки и две рации ближнего действия с подсевшими аккумуляторами — их зарядили кое-как от генератора. За руль сели самые опытные водители, знавшие серпантин как свои пять пальцев. С ними поехали четверо крепких шахтеров, в том числе Андрей, который настаивал, что он уже не школьник. Их задача была проста: добраться до перевала, оценить состояние дороги и, если возможно, узнать что-то о ситуации дальше.

Дорога петляла по склону, открывая все более тревожный вид на восток. Над сопкой по-прежнему висело бурое, неподвижное облако. Воздух был чистым, но в нем висела та самая колючая пыль. Ехали медленно, вглядываясь в каждый поворот.

Завал нашли километрах в пяти от поселка, на самом крутом участке. Взрывная волна повалила с обочин несколько старых, подгнивших сосен. Они легки поперек дороги, переплетясь ветвями, как гигантская баррикада.

— Ничего страшного, — хмыкнул водитель первого «Уаза», дядя Женя. — Поправимо. Куда хуже, если бы скала обрушилась.

Работа закипела. Включили бензопилу, и ее пронзительный визг, такой знакомый и в то же время нелепый в этой новой тишине, разнесся по горам. Стволы распиливали на бревна. Ветки и сучья не бросали в кучу, а аккуратно складывали в сторону.

— Эй, пацаны, — крикнул один из шахтеров, Миша, вытирая пот со лба. — А давайте их в кузов? Дрова же отменные. Уже сухие, почти. Печку в конторе топить, или в баню.

Мысль была верной. Зачем выбрасывать то, что может согреть? В новых условиях каждая ветка обретала ценность. Бревна, очищенные от сучьев, погрузили в кузова поверх инструментов. Работали молча, слаженно, как на обычной расчистке просеки. Никакой паники, только расчетливый труд.

Через два часа дорога была свободна. Завалы убраны, бревна аккуратно уложены. Поехали дальше, до самого перевала. Вид, открывшийся с высоты, заставил их замереть.

Там, в долине, куда вела дорога, лежал райцентр. Отсюда, в бинокль, было видно, что несколько домов в его восточной части разрушены, будто гигантский кулак ударил сверху.

Дымились развалины. Движения по улицам почти не было. А дальше, на горизонте, вставала стена странного, желтоватого тумана, скрывающая равнину и путь к большому миру.

— Не поедem туда, — тихо сказал дядя Женя, опуская бинокль. — Не сегодня. Дорога есть, но она ведет... в это.

Они развернулись и поехали обратно. Назад ехали быстрее, везя с собой не только тревожные вести, но и практичную добычу — машину сухих дров. Это был хороший, полезный итог.

Когда «Уазы» вернулись в поселок, их уже ждали. Бревна моментально разгрузили и сложили в штабель рядом с конторой — на всеобщее обозрение, как символ того, что даже в беде они не растеряли смекалки и хозяйской хватки.

Но отчет разведчиков, переданный Сергеем Петровичем в кабинете, был мрачным. Дорога на большую землю есть. Но большая земля, судя по всему, перестала существовать. И рано или поздно кто-то или что-то двинется по этой дороге к их тихой, запасливой гавани.

В кабинете начальника шахты, где пахло старыми картами и махоркой, Сергей Петрович выложил на стол грубые расчеты, сделанные вместе с маркшейдером.

— При нашем текущем расходе, только на отопление и поддержание генераторов, — говорил он, водя пальцем по столбцам цифр, — разведанных пластов хватит на четыре века. А то и больше. Это без учета глубоких горизонтов.

Сначала все просто молчали, осмысливая эту немыслимую величину. Четыреста лет. Их пра-праправнуки могли бы все еще жечь этот уголь, и запаса бы не убыло. В мире, где рухнуло все — связь, государства, привычная жизнь — эта подземная черная громада оказалась незыблемой, вечной основой.

Новость быстро разнеслась по поселку. И она подействовала на людей сильнее, чем любые призывы к спокойствию. Уголь был их жизнью, их проклятием и благословением. А теперь он стал их щитом и гарантией. В топливе нужды нет совсем. Эти слова сняли один из главных, базовых страхов. Холод в уральские зимы больше не был смертельной угрозой.

На улице это ощущение тут же материализовалось в действиях. Раньше дрова, привезенные со вчерашнего завала, бережно складывали, как стратегический запас. Теперь на них смотрели почти с снисхождением.

— Ладно, пусть полежат для бани, для... не знаю..., костров, — сказал Василий Иванович, глядя на штабель. — А так-то... печки-буржуйки в цехах и дома можно топить на совесть. Чтобы жарко было.

В котельной шахты, которая отапливала два жилых блока и контору, истопник Петрович, обычно считавший каждую лопату, с непривычной щедростью швырнул в жерло несколько увесистых кусков. Жаркий, густой жар сразу потянулся по трубам. В домах, несмотря на прохладный май, открыли форточки — не от духоты, а от неожиданной, почти расточительной теплоты.

Но была и другая сторона этой уверенности. За вечерним чаем в конторе, куда принесли самовар, старик Николай мрачно заметил, глядя на пламя в печке:

— Уголь-то он и есть богатство. Раньше за деньги его считали. Теперь, гляди, за хлеб или за жизнь считать будут. Нас отрезало. Но если где-то там, — он кивнул в сторону перевала, — люди мерзнут и гибнут, а тут... печки пышут жаром на четыреста лет вперед... они это учуют. Как волки чуют теплую кровь.

Его слова внесли трезвую, тяжелую ноту. Уголь был их спасением, но и меткой, мишенью. Тихая, теплая, обеспеченная гавань. В бушующем океане хаоса такая гавань не останется незамеченной.

Учительница Катя, сидевшая у окна, смотрела, как дети играют во дворе. Они уже не вздрагивали от каждого шума. Они начали привыкать к новой жизни, где папа не уезжает в

забой, а все взрослые всегда рядом и заняты странной, серьезной работой. Она думала о том, что теперь нужно будет учить не только грамоте, но и совсем другим вещам. Как беречь не только уголь, но и людей, порядок, эту хрупкую крупицу мира в их Долине.

А над сопкой, на востоке, в этот вечер закат был кроваво-багровым, окрашивая странное неподвижное облако в зловещие тона. И ветер, поднимаясь, все так же нес с собой едкую, чужую пыль. Но в Верхней Гореловке в домах было тепло. И эта теплота, рожденная в черных недрах, давала им силу смотреть в наступающие сумерки не только со страхом, но и с медленно растущей, твердой решимостью. Они были не просто выживающими. Они были хранителями очага в остывающем мире. И этот очаг будет гореть очень, очень долго.

Глава 2. Убежище.

Прошло несколько дней и странное, давящее облако над сопкой наконец рассеялось. Вершина вновь была видна, но изменилась навсегда. Скальный склон теперь носил черный, оплавленный шрам, будто гигантский коготь провел по каменной плоти горы. Вид был пугающим, но хоть что-то вернулось в знакомые очертания. Это немного успокаивало. Мир не перевернулся с ног на голову окончательно; горы стояли на месте.

Тишина, однако, стала еще глубже. Рация в конторе теперь чаще молчала, чем говорила. Иногда в эфире прорывался обрывочный код Морзе, панический крик на неизвестном языке или просто навязчивый, монотонный гул. Слушать это было тяжело, и рацию включали теперь лишь на несколько минут в час.

Но жизнь, настоящая, упрямая жизнь, требовала действий. Пришло время, когда осознание «никто не сделает поставку» перестало быть тревожной мыслью и стало простым, суровым фактом.

Заседание совета теперь проходило не в кабинете, а у теплицы за школой. Темой был один вопрос: «Огород».

— Картошку надо было сажать еще неделю назад, — сказала Анна Петровна, сжимая в руках потрепанную тетрадь с записями о семенах из магазинного запаса. — Семян моркови, свеклы, лука — на эти грядки хватит. Но капусты мало. Редис, укроп, салат — есть.

— Вспашку делать вручную надо — добавил Василий Иванович, почесывая щетину. — Лопатами. По старинке.

— А что? Смена на шахте теперь не работает, — заметил Сергей Петрович. — Свободные руки. И подростки тоже. Надо учиться.

Взгляд всех присутствующих невольно обратился к Кате. Она, смутившись, поправила очки.

— Я... я книг по садоводству в школе немного найду. И в интернете... — она запнулась, вспомнив, что интернета больше нет, и махнула рукой. — Найду книги. Составлю план посадок. И детей можно привлечь. Им... им это даже полезно будет. Как урок биологии на практике.

На следующий день все, кто мог держать лопату, вышли на бывший пришкольный участок и несколько расчищенных полянок за домами. Работали молча, сосредоточенно. Земля здесь была бедной, каменистой, но своя. Звук лопат, вгрызающихся в грунт, стал новым звуком поселка — звуком надежды.

Старик Николай, сидя на раскладном стуле у своего дома, точил тяпки и дедовским скребком чинил деревянные рукояти.

Андрей и его друзья рыхлили землю под руководством пожилой соседки, тети Вари, у которой был опыт работы в огороде. Она показывала, как правильно делать грядки, чтобы вода не застаивалась: — Вот так, милок, не в шахте же копать. Здесь тоньше работа. Бережнее.

Детей из старших групп садика поставили сортировать прошлогодние семена. Это занятие они восприняли как важную игру.

К вечеру первые, еще неуверенные борозды легли в темную землю. Руки ныли от непривычной работы, но на душе было легче.

Вечером того же дня, когда сажали первую партию раннего картофеля, Вася, что был на вышке у антенны радиостанции, крикнул вниз: — Дым! На юго-востоке, за хребтом! Не от горения леса... столб ровный, темный. Как из трубы котельной.

Все замерли, взгляды устремились к указанному направлению. Да, на фоне темнеющего неба четко вилась тонкая, упрямая струйка дыма. Значит, не они одни. Где-то там тоже выжили. Или... что-то производили.

Тепло от неиссякаемого угля в недрах вдруг снова показалось не только благословением. Дым вдаль был напоминанием: их островок тепла и порядка не невидим. И если они видят чужой дым, то и их видят.

Но сегодня, с засеянным полем за спиной, этот страх был уже не всепоглощающим. Была усталость, была тревога, но была и надежда. Они посадили огород. Они сделали шаг в завтра, которое должно было наступить через месяцы, когда созреет урожай. Они строили свое будущее, борозда за бороздой, под тихим, внимательным взором старых уральских гор.

Вид дымка над хребтом не давал покоя. После ужина в конторе собрались снова. На стол легла старая, потрепанная на сгибах топографическая карта района.

— Вот, смотрите, — указал пальцем Сергей Петрович. — Юго-восток, за Медвежьим хребтом. Там долина речки Каменки. А... вот он! Там же Волчий!

Поселок чуть больше Гореловки, человек триста жило. Тоже шахтеры, железняк добывали. Для комбината в Нижнем Тагиле.

— Значит, выжили, — пробормотал Василий Иванович, прищурившись. — Котельную топят, раз дымят. Или кузницу разожгли. Или...

Он не договорил. «Или что похуже», — повисло в воздухе. Но логика подсказывала первое. Столб был ровный, технологичный. Не как от пожара.

— У них генератор свой был, мощный, — вспомнил кто-то из бывалых. — И скважина артезианская. И люди... народ там крепкий.

В комнате вдруг повеяло чем-то почти забытым за эти полторы недели тихой изоляции — связью с внешним миром. Не с тем хаотичным миром из панических радиопередач, а с чем-то осязаемым, таким же, как они сами.

— У меня там сваха живет, — тихо сказала Анна Петровна, глядя на карту.

— Там проходчик один, Генка, мы на соревнованиях по бильярду... — начал было Василий Иванович и замолчал, сглотив.

— Надо будет как-нибудь наведаться, — решительно заявил Сергей Петрович, отрывая взгляд от карты. — Не сейчас. Но надо. Узнать, как они. Что видели. Что знают. Может, обменяться чем... У нас уголь — море, у них, может, инструмент лишний или семена другие. Соль, может.

Идея обмена — простая, древняя, базарная — вдруг зажгла в глазах искру надежды. Торговля, разговор, новости.

— Опасно, — как всегда, вставил свое слово старик Николай. Он сидел в углу, курил самокрутку. — Дорога туда — 25 километров по лесной грунтовке, через перевал. Кто его знает, что там сейчас, кто по лесу ходит. И кто они там теперь... Голод не тетка. Люди горного братства, это да. Но братство братством, а свои дети дома есть хотят.

Его слова остудили пыл, но не убили идею.

— Значит, не абы как, — кивнул Сергей Петрович. — Готовимся. Сперва наблюдаем. Выставим пост на нашей вышке, с мощным биноклем, будем следить за дымом: регулярный ли он, в какое время. Потом, через пару дней, если все спокойно, соберем разведгруппу. На двух вездеходах. С рациями. С оружием. Еду, воду, медикаменты — и для себя, и на подарок.

На следующий день на высокой скале над поселком, где стояла вышка с антенной, дежурили по очереди с дедовским морским биноклем. Дым над Волчьим появлялся утром и вечером, ровно, как по часам. Значит, работал график, была дисциплина. Это было хорошим знаком.

А внизу жизнь шла своим чередом. Поливали только что засеянные грядки. Дети под руководством Кати мастерили пугало для огорода из старой спецовки и ржавой каски. Люди продолжали коптить сало и сушить грибы про запас.

Решение созревало. Через три-четыре дня, если ничего не случится, группа из Верхней Гореловки двинется в путь. Чтобы напомнить друг другу и самим себе: они не одиноки в этом новом, тихом и таком хрупком мире.

В новом укладе жизни Верхней Гореловки вдруг произошла тихая, но значимая переоценка ценностей. Те, кого раньше с легкой усмешкой называли «чудаками» или «отшельниками» — мужики, пропадавшие в тайге с ружьем или на реке с удочкой, — теперь оказались в центре всеобщего уважения и внимания. Их хобби превратилось в профессию. В стратегически важное ремесло.

Братья Гордеевы, Семен и Илья, всегда были заядлыми охотниками. Их дом на отшибе поселка был увешан шкурами, а разговоры за столом часто сводились к повадкам зверя. Теперь же они не просто «ходили поохотиться», а обеспечивали пропитанием поселок. Ранним утром они уходили в тайгу с парой винтовок, с рюкзаками, где помимо патронов были пакеты для мяса, соль и бинты. Вернулись они к ужину, неся на жердине молодого лося.

— Не жирный, но мяса достаточно, — деловито докладывал Семен Сергею Петровичу, пока другие помогали разделывать тушу на школьном дворе. — Зверь нервный, чуткий. Чует что-то неладное. Но пока водится.

Мясо пошло в копильню, которую они же, братья, и соорудили из старой бочки. Запах копченостей смешался с привычным запахом угольной пыли, став новым, аппетитным символом благополучия.

А дядя Коля «Лещ», пенсионер, чья жизнь ранее протекала между домом, магазином и берегом реки, стал главным рыболовом. Он не только сам ловил, используя сети, спасенные с его старой лодки, но и организовал «рыболовную бригаду» из пары подростков. Он учил их ставить сети на ямах, делать закидушки, солить и вялить улов.

Их добыча — щуки, окуни, редкий хариус — разнообразила скудный пока рацион, состоявший в основном из круп и консервов. Уха, сваренная на общей кухне в котельной, стала почти праздничным блюдом.

На вечернем совете их уже слушали, раскрыв рты.

— Надо беречь ресурс, — говорил Семен Гордеев, развернув на столе схематичную карту окрестностей. — Вот здесь, у озера Круглого, лосей много, но, если давить — распугаем и перебьем. Ходить туда раз в десять дней. А вот здесь, по ручью, бобры. Их можно аккуратно, мех пригодится.

— А патроны? — спросил практичный Василий Иванович.

— Экономим, — кивнул Илья. — Думаем, как самолеты поставить, силки. Но пока — огнестрел.

Они знали то, чего не знали другие, и это знание кормило поселок.

Статус их изменился незаметно, но прочно. К ним теперь приходили за советом: «Дядя Семен, а куда лучше картошку сажать, чтоб зверь не потоптал?». Или: «Дядя Коля, а в этой заводи рыба будет?».

Когда зашла речь о будущем визите в поселок Волчий, именно к ним обратились в первую очередь.

— С собой взять надо не только уголь и консервы, — рассуждал Сергей Петрович. — Что-то такое... ценное, но не наше основное. Может, копченого мяса? Рыбы вяленой?

— Можем дать, — кивнул Семен. — У нас про запас уже есть. И шкурку лосиную можно — им, может, для одежды или обуви.

Их «чужачество» стало краеугольным камнем новой экономики, основанной на натуральном обмене. И в их глазах, помимо усталости, появилась та же твердая ответственность, что была у шахтеров, спускающихся в забой. Они кормили общину. И в этом новом мире это значило ничуть не меньше, чем давать ему тепло.

Тихий, ровный гул, доносящийся со стороны котельной, стал новым саундтреком жизни поселка. Это был звук победы — пусть маленькой, но осязаемой.

Группа механиков во главе с Виктором, которого все звали «Профессором», совершила, по сути, подвиг. Они перебрали несколько старых, списанных генераторов, что годами ржавели на задворках шахтных мастерских. Детали от одного, обмотку от другого, корпус от третьего. И, как главное сердце устройства, соорудили топку-газификатор, работающую на угле. Не на солярке, которой запас был хоть и большой, но конечный, а на том самом, неисчерпаемом топливе, что лежало у них под ногами.

Их работа не была мгновенной. Несколько дней они корпели над схемами, спорили, пробовали, обжигались о раскаленные узлы. Но вчера, вечером, двигатель чихнул, затарахтел и — заработал ровно, без перебоев.

Результат был ошеломляющим. В конторе, школе и фельдшерском пункте теперь горели не только керосиновые лампы и свечи, но и несколько тусклых, но таких родных лампочек. Заряжались аккумуляторы для раций и фонарей. В котельной снова замигал зеленый глазок автоматики. А самое главное — появилась энергия для подъема угля.

Шахтный подъемник, который раньше работал от мощной внешней сети, теперь приводился в движение переделанным электродвигателем, питавшимся от нового генератора. Работа шла медленнее, с перерывами, но она шла. Поднимали не только уголь для текущих нужд, но и создавали стратегический запас на поверхности — огромную, черную пирамиду. Вид этой растущей кучи был таким же обнадеживающим, как и засеянные поля.

— Теперь мы не просто отапливаемся, — с гордостью в голосе говорил «Профессор», вытирая мазутные руки. — Мы производим энергию. Примитивно, да. Но стабильно. Можем и небольшой токарный станочек запустить, чтобы детали точить. Можем насос для воды качать, если что.

Это изменило психологию. Из состояния осажденной крепости, берегущей ресурсы, поселок начал постепенно переходить в состояние устойчивого хозяйства.

На совете в этот день царило приподнятое настроение. Даже старик Николай, осмотрев конструкцию, хмыкнул одобрительно: «Ладно, не провалились в каменный век окончательно».

Это позволило вернуться к плану визита в Волчий.

— С генератором мы можем позволить себе больше, — рассуждал Сергей Петрович. — Зарядим аккумуляторы для раций на всю катушку. Свет в машинах будет. Может, даже небольшой холодильник для медикаментов в поездку соберем от аккумулятора. Покажем, что мы не на мели.

— Им, наверное, тоже электроэнергия нужна, — добавила Катя. — Может, «Профессор» сходит с нами? Посмотрит на их установки. Опытом обменяется.

Идея обмена опытом, технологиями, а не только товарами, наполнила будущую миссию новым смыслом.

А вечером, когда в окнах нескольких домов засветились желтые квадратики лампочек, поселок впервые за долгое время выглядел не убежищем, а домом. Теплым, светлым, живым. Уголь, добытый из тьмы, теперь давал свет, чтобы разогнать эту тьму на поверхности. И в этом был глубокий, почти философский смысл, который каждый здесь чувствовал кожей.

Верхняя Гореловка потихоньку, день за днем, училась выживать... даже жить с расчетом на долгую перспективу. И признаки этого нового, более уверенного существования проявлялись во всем.

На грядках, за которыми теперь ухаживали с почти религиозным трепетом, проклюнулись первые всходы. Тонкие, хрупкие ниточки зелени — укроп, салат, редиска. Они были едва заметны в темной земле, но для каждого жителя поселка эти зеленые точки значили больше,

чем просто будущий урожай. Это был знак того, что мир, несмотря на все потрясения, продолжает вращаться и давать жизнь. Дети дежурили у огорода, отгоняя ворон и сорок, а старики, проходя мимо, одобрительно кивали: «Всходит. Знать, земля не обиделась».

Но самый масштабный проект этих дней был связан с водой. Хоть и работала скважина, но для бесперебойного обеспечения всех водой надо было делать больше.

Родниковая речка Каменка была рядом, но ходить к ней с ведрами несколько раз в день для двухсот человек было трудоемко и небезопасно. Кто-то вспомнил про старую, ржавую железнодорожную цистерну, что лет двадцать стояла на запасном пути у давно закрытого погрузочного пункта.

Работа закипела. Механики во главе с «Профессором», закончив с генератором, взялись за нее. Цистерну откатали поближе к поселку, на возвышение. Долго и нудно вычищали многолетнюю ржавчину и грязь кирпичами и песком. Потом продували, промывали, а для фильтрации на входе соорудили простейшую систему из нескольких бочек, заполненных песком, углем и мелкой галькой.

— Водичка будет чище, чем из-под крана в городе, — хвастался один из механиков, запуская первый поток из временного шланга, протянутого от речного насоса.

Теперь, с помощью того же насоса, работавшего от генератора, они закачивали в цистерну тысячи литров воды. Создавали запас. Это меняло всё. Теперь не нужно было тратить силы и время на постоянные ходки к реке. Была вода для полива, для бытовых нужд, для гигиены, наконец. Цистерна стала новым символом безопасности — полная, она могла обеспечивать поселок неделями, даже если что-то случится с источником.

Вечером у школы, где теперь стирали белье в больших корытах, используя теплую воду из котельной, жители обсуждали это как величайшее благо.

Старик Николай, наблюдая, как молодежь катит пустые бочки к новой «водонапорной башне», пробормотал своему внуку:

— Видишь? Раньше главным сокровищем уголь считали. Потом — еду. А на самом деле главное — вода.

И правда, поселок начинал работать как единый, сложный организм. Шахта давала тепло и энергию. Охотники и рыбаки — мясо и рыбу. Огород — надежду на овощи. Цистерна — жизненную влагу. А люди, от инженеров до детей, сортирующих семена, — свои умения и труд.

Завтра, как решили на совете, должна была, наконец, отправиться разведка в поселок Волчий. Готовились тщательно: зарядили рации, отобрали подарки — копченого лося, вяленой рыбы, мешок хорошего угля-антрацита для кузнечного горна и несколько бутылок самогона, который гнал один из шахтеров, — для дезинфекции и дипломатии.

Они ехали как соседи, с визитом, с предложением диалога. И это чувство — что у них есть что предложить, что они стоят на ногах крепко, — придавало им уверенности. Их мир сузился до размеров Долины, но в нем они снова обретали почву под ногами, зеленеющую, поливаемую водой из старой цистерны и освещенную тусклым светом лампочки.

Два «Уаза» медленно, с включенными фарами, въехали в поселок Волчий. Дорога заняла почти три часа — объезжали свежие осыпи, проверяли мостики через горные ручьи. Волчий встретил их приглушенным гулом работы и видом, от которого у делегатов сжались сердца.

Поселок был больше, но и повреждения здесь были заметнее. У нескольких домов выбиты стекла, крыша клуба провалилась. В центре, у памятника, стояла импровизированная кузница: пламя горна, раздуваемое мехами, и звон молота по наковальне. Но самое главное — люди. Они остановились, увидев чужие машины. В руках у многих были ломы, кирки. Взгляды — настороженные, усталые.

Первый, кто их узнал, был высокий, сутулый мужик у кузницы. Он бросил молот и, прикрыв глаза ладонью от солнца, крикнул на всю улицу:

— Братцы! Да это ж гореловские!

И пошло-поехало. Из домов, из-за угла котельной, стали появляться люди.

— Семен! Гордеев! Живой!

— Анна Петровна? Господи, ну надо же!

— Да это ж Василий Иванович! Здорово, бригадир!

Лед недоверия растаял мгновенно, сменившись гулом приветствий, хлопками по плечам, крепкими рукопожатиями. Нашлась и сваха Анны Петровны — Мария, обняла ее и расплакалась: «Думала, вас там всех...».

Андрей нашел своего друга Витьку — тот, черный от угольной пыли и копоти, помогал чинить трактор.

Их окружили. Водили по поселку, показывали, рассказывали сбивчиво, перебивая друг друга.

— У нас тут... в первый день, прямо за сопкой, одна штука рухнула, не в сам поселок, слава богу, но ударной волной полпоселка окон лишилось...

— Двое погибло, когда на шахте обвал от толчков, мы ее теперь законсервировали, только верхние горизонты берем...

— А свет у вас есть? Мы на солярке генератор жжем, бережем, только на пару часов в день включаем...

Лидером здесь, как выяснилось, был бывший начальник смены шахты, крепкий, молчаливый мужик, все звали его «Староста». Он пригласил Сергея Петровича, Василия Ивановича и «Профессора» в свою контору.

Разговор был долгим и тяжелым.

— Связи нет ни с кем. По рации ловили военных неделю назад — говорили об эвакуации на восток, за Урал. Но как туда добраться... — «Староста» разложил свою, еще более подробную карту. — Дорогу на Нижний Тагил завалило в трех местах, мост через Чусовую рухнул. А с той стороны... — он ткнул пальцем в восточную равнину, — идет какая-то гадость. Пыль. Люди, которые пытались уйти в первые дни, вернулись. Кашляют кровью. Теперь никто не идет.

Они обменялись тем немногим, что знали. Слухи о цунами на Дальнем Востоке, о разрушенных городах. Панические радиотрансляции, которые теперь сменились мертвой тишиной или странными, нечеловеческими сигналами.

— У вас-то как? — спросил «Староста», глядя на относительно целые лица гореловцев.

— Держимся, — ответил Сергей Петрович. — Уголь, вода, огород посадили, охотники кормят. Генератор на угле сделали.

В глазах «Старосты» и его людей мелькнула надежда. Генератор на угле. Для них, зависящих от остатков солярки, это звучало обнадеживающе.

— У нас железа много, — сказал «Староста». — Не руды, а готового. Цех ремонтный цел. Кузница работает. Можем инструмент делать, ножи, запчасти. А солярка... — он тяжело вздохнул.

Выходили на улицу уже к вечеру, с четкими договоренностями.

Гореловцы поделятся схемой угольного генератора и привезут несколько тележек угля. Волчане дадут инструмент, крепеж, помогут наладить кузнечное дело в Гореловке. Договорились совместно, силами лучших охотников из обоих поселков, организовать дальнюю разведку на север, к бывшему военному городку, в надежде найти хоть какие-то следы организованных сил или запасы.

Планировали установить регулярное патрулирование дороги между поселками и связь по рациям в определенные часы.

Провожали их как родных. Нагрузили машины доверху: ящиком кованых гвоздей и скоб, двумя новыми топорами, катушкой хорошей стальной проволоки и — самым ценным — тремя канистрами солярки «на первое время, чтобы назад доехать и свою установку до ума довести».

— Вы нам надежду привезли, — сказал на прощание «Староста», крепко пожимая руку Сергею Петровичу. — А то думали, одни на всем свете остались, как последние дикари.

Обратная дорога казалась короче. В машинах сначала царило молчание, каждый переваривал увиденное и услышанное.

Они везли не только железо, но и надежду на будущее. Есть другие такие же, борющиеся, не сломленные. И есть возможность поддержать друг друга. Это знание оказалось ценнее любой канистры солярки. Их маленькая тихая гавань обрела соседа. И теперь им предстояло вместе думать, как выстоять в этом новом, суровом мире.

Прошло немного времени. Теперь из Гореловки вновь шел караван: два груженных до отказа «Уаза» и трактор с прицепом. Он оставил там обещанную крупную партию угля — несколько тонн черного, блестящего антрацита. Взамен в кузовах лежали запчасти для генератора: редкие подшипники и медная проволока.

Встреча на этот раз была деловой и конкретной. В конторе «Старосты», на столе лежала общая карта, исчерченная пометками.

— Дорога — наша ахиллесова пята, — говорил «Староста», водя пальцем по зигзагу серпантина между поселками. — Единственная ниточка. Сейчас проехать можно, но один хороший ливень, оползень — и мы снова в изоляции.

Идея была очевидной и зрелой в умах обоих лидеров: дорогу нужно укреплять и защищать.

— У нас техника есть, — поддержал Сергей Петрович. — Трактор, люди, лопаты. У вас — инженерные мозги, кузнецы для крепежа. Давайте вместе приведем ее в порядок. Расчистим кюветы, укрепим откосы там, где сыпется. Самые опасные повороты можно даже шлакоблоком с обочины обложить, у нас его на свалке хватает.

На обратном пути гореловцы специально ехали медленно, останавливаясь и отмечая самые проблемные места: тут дренажную канаву прочистить, тут деревянный подпор против осыпи поставить, а вот на этом открытом участке хорошо бы сделать небольшую смотровую площадку-пост.

Вернувшись в Верхнюю Гореловку, они сразу собрали людей.

— Дорогу до Волчьего будем приводить в порядок, вместе с ними, — объявил Сергей Петрович. — Это теперь наше общее дело. Кто на расчистку, кто на подвоз, кто в охрану — записываемся.

И люди записывались. Каждый очищенный от завала метр, каждый укрепленный поворот символизировал крепнущие связи между двумя крошечными островками цивилизации.

На следующий день первая смешанная бригада уже вышла на маршрут. Вместе работали, вместе делились, вместе смеялись над шутками, которые были понятны только шахтерам.

А вечером, когда рация в конторе, настроенная на согласованную частоту, щелкнула и выдала басистое: «Гореловка, Волчий на связи. Первый участок до ручья пройден. Завтра с рассветом продолжаем. Прием», — в воздухе повисло чувство глубокого, молчаливого удовлетворения.

Изолированность рухнула окончательно. На смену ей пришло соседство. А соседство, подкрепленное общим трудом и взаимной выгодой, начинало походить на нечто большее. И эта новая, крепкая нить, проложенная по горному серпантину, казалась теперь прочнее любого каната.

Глава 3. Осень.

Пока на поверхности кипела работа на дороге и огороде, в глубине шахты, в бывшем вентиляционном штреке, превращенном в продовольственный склад, шла своя, тихая и неумолимая война. И главными действующими лицами в ней были кошки Гореловки.

Их было около десятка: от матерых, полосатых дворовых бойцов вроде Рыжана, до юрких черно-белых подростков. Когда поселок начал свозить сюда мешки с зерном, крупами и сухарями, мыши и крысы, вечные спутники человеческого жилья, особенно в такой бескормице, почуяли пир. И тогда на защиту встали пушистые хозяева.

Днем, когда в штреке появлялись, коты не жили на относительно теплых трубах или терлись о ноги, выпрашивая угощение. Но ночью и в часы затишья склад принадлежал им.

Здесь были свои стратеги и тактики. Рыжан, огромный и невозмутимый, предпочитал наблюдение. Он занимал позицию на высокой полке с мешками овсянки, откуда контролировал весь зал, и его низкое, предупреждающее урчание было знаком, что враг приближается. Молодые и шустры, такие как Черныш и Белянка — работали загонщиками и нападающими, с азартом прочесывая темные углы за бочками.

Польза была обоюдно и очевидной для всех жителей. Пушистые стражи справлялись прекрасно. Ни одного погрызенного мешка, ни одной мыши на вверенной территории. Склад оставался в идеальной чистоте и порядке. Рацион кошек теперь состоял не только из объедков со стола, но и из свежего, богатого белком мяса. Они были сыты, лоснились и становились только искуснее в охоте.

Для людей, спускавшихся в сумрак штрека, наблюдать за этой вечной, молчаливой игрой было странным утешением. Это напоминало о простых, вечных законах природы, которые продолжали действовать, даже когда законы человеческие рухнули.

Как-то раз, Анна Петровна, пришедшая вечером с лампой, чтобы взять муку для общей кухни, застала типичную сцену. Рыжан, свернувшись калачиком на ящике с солью, одним глазом наблюдал, как Белянка в абсолютной тишине, прижав уши, крадется к тени у стены. Мгновение — и стремительный бросок, тихий писк, и гордая кошка выходит на «показательное выступление» с добычей в зубах перед «зрителями».

— Молодец, охотница, — твердо, но с одобрением сказала Анна Петровна, перекладывая мешок.

Дети, которых иногда брали с собой в склад, обожали эти посещения. Для них это был целый живой мир, таинственный и интересный. Они пытались подружиться с котятами, давали им имена, обсуждали, кто сегодня лучший охотник.

Старик Николай, спустившись за табаком, долго смотрел на кошек и изрек:

— Умные твари. Чуют, что тут теперь центр всего. Где еда — там и жизнь. И где жизнь — там и ее охрана нужна. Мы им кров и еду, они нам — порядок в амбаре. Честный договор.

Этот маленький, саморегулирующийся мир под землей стал еще одним кирпичиком в фундаменте новой жизни. Он напоминал, что даже в условиях катастрофы можно найти баланс, пусть и на уровне кошек и мышей. И что иногда самые простые, природные решения — самые надежные. А тихое урчание Рыжана, разносящееся в прохладной темноте склада, было таким же успокаивающим звуком уверенности, как и гудение генератора наверху.

Одним из самых ценных «ноу-хау», рожденных в новых условиях Верхней Гореловки, стали угольные фильтры для воды. Идея, подсказанная старыми учебниками по выживанию и смекалкой «Профессора», обрела плоть и кровь, вернее, уголь и жечь.

Уголь брали не любой, а отборный антрацит, дробили его до мелкой, но не пылеобразной фракции. Для корпуса использовали отрезки старых труб, жестяные банки или обрезки

пластиковых канистр. В дне пробивали мелкие отверстия. На дно укладывали слой промытого речного песка и мелкой гальки, потом — плотный слой древесного угля, а сверху — еще один слой песка. Получался простейший, но эффективный фильтр.

Эти неказистые цилиндры стали чудом бытовой магии. Дождевая вода или даже мутная вода из речки, пропущенная через такой фильтр, становилась чистой, прозрачной, без запаха и привкуса тины. Риск кишечных инфекций, который стал одной из главных скрытых угроз, резко снизился.

В поселке фильтры стояли теперь в каждом доме и на общих точках водозабора. Их регулярно чистили и меняли угольную начинку. Самым популярным местом стал родник у подножия скалы, где установили три больших, общественных фильтра-бочки. Здесь теперь не только набирали воду, но и общались, пока ждали, когда емкость наполнится чистой водой.

Когда собрали первую партию для обмена — два десятка фильтров разного калибра, — в Волчий отправились не только с углем и инструментом, но и с этим бесценным грузом.

Встреча в Волчем на этот раз была особенно теплой.

— Братцы, да вы алхимики! — восхищенно качал головой их кузнец, рассматривая устройство. — Из грязи — воду питьевую

— Никакой алхимии, — скромничал «Профессор», но в глазах у него светилась гордость. — Физика сорбции. Уголь впитывает всю дрянь. А песок — механику отсекает.

Фильтры разобрали мгновенно. Первыми установили у детского барака и в медпункте. «Староста» крепко тряс руку Сергею Петровичу:

— Это дороже патронов. У нас два ребенка с температурой лежат, подозреваем, от воды. Теперь, глядишь, выкарабкаются.

В ответ волчане, помимо запчастей, подарили гореловцам несколько самодельных масляных ламп и партию кованых наконечников для стрел — для охотников.

Обратная дорога была наполнена чувством глубокого удовлетворения. Они не просто выживали в одиночку. Они создавали нечто, что укрепляло жизнь и в соседнем поселке. Это придавало смысл всему их труду.

Процесс создания фильтров стал одним из первых «уроков технологии» в новой школьной программе Кати — наглядным примером того, как знания и смекалка спасают жизни.

И когда вечером кто-то из стариков, попивая чистый, безвкусный чай из отфильтрованной воды, сказал: «Раньше нефть черным золотом звали, а теперь, гляди, обычный уголь — и тепло, и свет, и чистая вода», — все лишь согласно кивали. Их мир стал меньше, но глубже. И в этой глубине, среди черных пластов, они находили все новые и новые грани спасения.

Ранняя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.